

УДК 947.083

О.А. Харусь

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ЛИБЕРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ НАЧАЛА XX В.
(ИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ПРОФЕССОРОВ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Представлен анализ позиций либерально настроенных профессоров Томского университета по проблемам становления гражданского общества в России начала XX в. Реконструирована разработанная ими теоретическая модель социально-политического переустройства Отечества, предусматривавшая синтез личной свободы и общего блага. Дана характеристика либеральной стратегии формирования предпосылок гражданского общества. Либеральный идеал гражданского общества рассматривается в общем контексте мировоззренческих ориентиров данного направления общественно-политической мысли.

Ключевые слова: *гражданское общество, свобода личности, правопорядок, либерализм.*

Требование гражданских свобод, являющихся одним из важнейших оснований гражданского общества и его атрибутом, было едва ли не самым распространенным в общественно-политической жизни России начала XX в. Оно содержалось в программных документах многих партий (от социал-демократов и эсеров на левом фланге до «Союза 17 октября» – на правом), звучало в резолюциях и постановлениях собраний и митингов, присутствовало в риторике публичных выступлений политических деятелей как либеральной, так и революционно-демократической ориентации. Однако это обстоятельство едва ли можно считать достаточным для выводов о широком распространении идеалов гражданского общества и поддержке их основными субъектами оппозиционного движения. Очевидно, что смысловое наполнение одних и тех же идеологических формул, как и их функциональное предназначение, могут существенно варьироваться в различных системах мировоззренческих координат.

Объективная оценка места и значения идей гражданского общества в системе ценностей того или иного направления общественно-политической мысли с необходимостью предполагает выявление их соотношения, взаимосвязи с другими концептами этого направления (в том числе с предполагаемой моделью политического устройства, с представлениями о соотношении личного и общественного начала, о системе гарантий индивидуальной свободы, о формах проявления общественной самодеятельности и гражданской ответственности и пр.). Между тем в современной отечественной историографии сохраняется ставший своего рода традицией акцент на исследование прикладной программатики и практической деятельности партий безотносительно к доктри-

нальным основам тех течений общественно-политического движения, представителями которых они являлись. Отсутствие целостного, системного представления об объекте исследования не позволяет в полной мере раскрыть отношение различных акторов политического пространства России начала XX в. к постулируемым ценностям (как приоритетным или несущественным, имеющим инструментальное или целеполагающее значение, декларативным или подкрепленным разработанными технологиями и механизмами практической реализации и т.п.). Рассмотрение тех или иных идей вне определявшего их содержательное наполнение дискурса создает почву для проявлений субъективной пристрастности в трактовке и оценке различных направлений общественной мысли и общественно-политического движения.

Так, например, высказывается мнение об абсолютизации как западными, так и российскими либералами понятия свободы и игнорировании ими в этом плане каких бы то ни было внешних условий и ограничений [1. С. 110]. Более того, имеет место констатация «теоретической порочности» и «мировоззренческой слабости» либерализма, предполагающего «теоретическое оправдание борьбы за свободу без границ». Этот посыл, в свою очередь, служит основанием для вывода об особой роли либерализма в России, заключающейся в том, что «здесь он всегда играл разрушительную роль», поскольку «борьба либералов против государства, как главного врага человеческой свободы, всегда выливалась здесь в борьбу против России, как локальной цивилизации» [2. С. 8–9]. Между тем данные разнообразных по происхождению и содержанию источников свидетельствуют о том, что именно психологическая и политическая установка на

крепкую власть являлась одной из наиболее ярких особенностей российского либерализма. Отмеченные обстоятельства подтверждают необходимость анализа и оценки позиций либералов по вопросам формирования гражданского общества в России в общем контексте социально-политической доктрины отечественного либерализма. Обращение в этой связи к интеллектуальному наследию профессоров Томского университета представляет несомненный интерес, так как позволяет, помимо прочего, определить наличие общих логических оснований в конструировании либеральной модели общественного и политического устройства, выявить те специфические составляющие, которые являлись типичными для либерального типа мышления и вместе с тем образовывали своеобразную демаркационную линию, позволявшую отграничивать либеральные концепции от нелиберальных. Решение подобной задачи, естественно, предполагает расширение источниковой базы исследования за счет включения в неё, наряду с научными и публицистическими трудами ведущих идеологов и теоретиков отечественного либерализма, трудов представителей региональной интеллектуальной элиты.

Признание самоценности и приоритета человеческой личности, представление об индивидуальной свободе как «исходной данности» при построении общежития и, соответственно, при конструировании социально-политической теории является прочной связующей нитью, объединяющей разнородные, иногда взаимоисключающие мировоззренческие позиции либералов в единую «семью». Данное теоретико-методологическое основание определяет инвариант либерализма, его неизменную сущность на всех стадиях эволюции и при всем многообразии конкретно-исторических ипостасей [3. С. 14; 4. С. 121]. Тезис о свободе личности являлся центральным в творчестве А.Н. Радищева, проектах Н.С. Мордвинова и М.М. Сперанского, трудах Т.Н. Грановского, А.И. Кошелева, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина и др. В результате к началу XX в. идея самоценности человеческой личности оказалась прочно инкорпорирована в интеллектуальную традицию российской интеллигенции. Это наследие было воспринято либералами нового поколения. Профессор Томского университета, специалист по проблемам философии права, член кадетской партии И.В. Михайловский, излагая суть воззрений Б.Н. Чичерина, выражал полную солидарность с основными его положениями: «Исходный пункт всего учения о праве и государстве есть личность. Личность есть движущая сила истории культуры и

краеугольный камень всего общественного здания. Человек составляет цель, для которой существует общественный организм» [5. С. 26].

Такая позиция отнюдь не исключала положительного отношения либералов к исторически сложившимся учреждениям и общественным формам, в рамках которых отдельный человек подчиняется определенному порядку и дисциплине [6. С. 5]. Независимо от того, как трактуется историческое предназначение человеческой личности различными представителями либерального течения, оно всегда рассматривается в контексте объективного общественного порядка, а потому либеральный индивидуализм имеет относительный характер и в этом отношении принципиально отличается от анархизма, крайности которого можно считать проявлением абсолютного индивидуализма. Как «заблуждение человеческого ума» квалифицировал анархизм И.В. Михайловский, утверждая, что «власть является необходимым элементом всякого общежития, и ограничение свободы безусловно необходимо для совместного существования людей» [5. С. 29–30].

Необходимость общественной организации обосновывалась либералами несовершенством человеческой природы, большой степенью вероятности всплеска низменных инстинктов в условиях абсолютно ничем не ограничиваемой свободы. Но основным аргументом служил тезис о возможности полноценной реализации способностей и творческого потенциала человека только в обществе. «Только на почве правильной общественной организации, внешней и внутренней безопасности, обеспеченности прав личности и твердости правопорядка возможна та спокойная жизнь, жизнь содержательная, которая дает импульсы и к научному, и к художественному творчеству, и к практической деятельности, одухотворенной идеалами», – подчеркивал И.В. Михайловский [6. С. 5]. Признание правильно устроенного общежития в качестве необходимого условия духовного развития и высшей его цели не противоречит индивидуалистической первооснове либерализма, поскольку не отрицает приоритета человеческой личности и определяет ценность общественной организации в зависимости от того, в какой мере она позволяет защищать права и интересы отдельных людей. И.В. Михайловский отмечал, что общежитие не должно развиваться в ущерб самостоятельности отдельных лиц, поскольку наделенная сознанием и свободой личность стоит выше общества и составляет для него цель. Он писал: «Разрешить великую проблему примирения свободы и самоцельности личности с необходимо-

стью подчинения этой личности требованиям, вытекающим из существа общежития, может только такая организация общежития, где в основу построения будет положен принцип уважения к личности и где гармонически сочетаются все необходимые для общежития элементы» [5. С. 37].

Оптимальной и высшей формой общежития, охватывающей все другие общественные институты, учреждения, союзы (но не растворяющей их в себе), либералам представлялось государство. Имея источником своего существования единение живых и самостоятельных общественных и личных сил, верховный союз не может не уважать эти силы, а потому заботится об их процветании. К тому же государство обладает необходимой властью для сдерживания антисоциальных наклонностей человека и поддержания авторитета закона [5. С. 37]. В качестве основного инструмента реализации этой власти рассматривалось право. С целью воспитания энергичного, крепкого духом, инициативного и свободного человека право призвано создать вокруг личности определенную сферу, где эта личность является центром, где все и каждый обязаны уважать её волю и не могут посягать на её свободу [7. С. 217]. Исходя из этого, И.В. Михайловский считал правомерным выделение Б.Н. Чичериным в области права сферы отношений, которая должна быть предоставлена ничем не стесняемой личной свободе и в которую государство может проникать только в порядке редких исключений. Более того, признавая необходимость обеспечения личности возможности свободного развития, создания некоей ниши, в которой личность может чувствовать себя полным хозяином, не опасаясь ничьих вторжений, он, как и Чичерин, строго разграничивал область права, допускавшую принуждение, и нравственности, где принуждению нет места и торжествует внешняя и внутренняя свобода [5. С. 29, 30].

Отводя праву роль регулятора взаимодействия между личностью и обществом, либералы возлагали на него двойную функциональную нагрузку. С одной стороны, оно должно обеспечивать личности свободу и возможность беспрепятственного развития, а с другой – гарантировать общежитие и прочный порядок совместной жизни. Исходя из стремления к идеалу синтеза личной свободы и общего блага, И.В. Михайловский вычленил два ряда общих принципов в области права: «Один ряд выводится из свободы и самоцельности личности, а другой – из необходимости организации общежития». К первому ряду он относил равенство всех перед законом, охрану личности и ее прав, запрещение нарушать чужое право, необходи-

мость соблюдать договоры, а также свободу религиозных убеждений, свободу родного языка, неприкосновенность женской чести, право на жизнь, на честь, на свободное пользование законно принадлежащим имуществом, право не быть превращенным в вещь и т.п. Второй ряд принципов включал в себя необходимость прочной организации общежития, необходимость власти, стоящей на страже общего блага, необходимость известных ограничений личной свободы для поддержания общежития, право власти применять принудительные меры для охраны общежития [7. С. 203, 204, 219, 470]. Таким образом, задачей права провозглашалась «не только охрана субъективных прав, но и охрана общих условий развития культуры, охрана культурных благ, которые не могут быть разделены без остатка между отдельными личностями, а имеют непреходящее значение» [8. С. 369].

Примечательно, что функцию охраны свободы личности право, по мнению либералов, обретает только на высших ступенях своего развития, в связи с изменением реального соотношения главных субъектов гражданского права: индивида и союза. Профессор Томского университета по кафедре гражданского права и гражданского судопроизводства, один из организаторов и руководителей местного отдела «Союза 17 октября» И.А. Базанов излагал суть этого процесса следующим образом. Если в древнем праве союз в форме семьи, общины и пр. господствует над личностью, поглощает ее, то новейшее право характеризуется развитием индивидуализма, преобладающим значением личности, падением старых, естественных союзных форм и возникновением новых, главным образом произвольных союзных образований (различных обществ, товариществ, компаний и т.д.). Специфика новых союзов проявляется в свободном по преимуществу характере соединения индивидов, гарантирующем сохранение самостоятельного значения личности [9. С. 13–14]. Задача общего гражданского права заключается в строгой фиксации этого исторического изменения взаимодействия личности и союза. Более того, само появление *личности* в строгом смысле этого слова, т.е. как «движущей силы истории культуры и краеугольного камня всего общественного здания», И.В. Михайловский не склонен был воспринимать как некую изначальную данность человеческого существования, считая его результатом длительного исторического развития человечества через «суровую школу коллективизма» к постепенной дифференциации личностного начала из групповой жизни и обретению

человеком индивидуальности [8. С. 369]. Подобные рассуждения являются показателем того, что либеральная идея индивидуальной свободы предполагала в качестве своей основы наличие *социализированной* личности, способной к инициативным, самостоятельным действиям, социальной интеграции на добровольных началах и осознавшей ответственность за свой выбор как перед самой собой, так и перед обществом. Принцип гражданской ответственности воспринимался либералами как императив индивидуальной жизнедеятельности. Четко формулировал этот императив профессор Томского университета по кафедре истории русского права, член губернского комитета партии народной свободы И.А. Малиновский: «Каждый человек должен быть гражданином земли своей, каждый человек должен поставить законом жизни – служение земле своей» [10. С. 2].

Сохраняя верность отечественной гуманистической традиции, российские либералы связывали перспективы интеграции на новом этапе с высоким нравственным потенциалом гражданского общества. И.В. Михайловский полностью разделял мнение философа Вл. Соловьева, согласно которому «действительно нравственное совершенствование людей происходит только тогда, когда добрые чувства отдельного человека не ограничиваются субъективной сферой его личной жизни, а переходят за ее пределы, сливаются с жизнью собирательного человека, создавая нравственность общественную, объективно осуществляемую через учреждения, законы и публичную деятельность групп и лиц» [6. С. 4, 5].

Поскольку же законодательные нормы в гражданском обществе должны были являться объективной формой воплощения его нравственных норм, предусматривающих наличие индивидуальной свободы, либералы были единодушны в признании возможности сопротивления юридическим законам, которые вступают в противоречие с законами нравственности. Так, И.В. Михайловский считал безусловно недопустимым повиновение законам, стесняющим религиозные убеждения или свободу родного языка, со стороны тех, кто сознает их противоречие естественному праву. Предлагавшие им формы противодействия подобным законам носили пассивный характер. Например, он рекомендовал судье выйти в отставку, чтобы не быть вынужденным применять такие законы, а за населением признавал «обязанность неподчинения таким актам» [7. С. 219, 220, 378]. Не возражая принципиально против такой постановки вопроса, коллега И.В. Михайловского, член кадетской партии Н.Я. Новомбергский вместе с тем выражал

недоумение по поводу ограничения права на сопротивление только нарушением двух требований естественного права и недопущения его распространения на другие требования и, судя по всему, не считал это ограничение оправданным [11. С. 300].

Не предусматривал никаких ограничений в этом отношении и И.А. Малиновский, однозначно высказывавшийся за признание права людей на борьбу с законами, противоречащими велениям нравственности. Это право выводилось им из теории договорного происхождения общества, предполагавшей добровольное соглашение людей признавать над собою установленную в обществе власть, подчиняться ее велениям для собственной пользы. Если существующие порядки не способствуют благосостоянию всех отдельных граждан, если не соблюдаются основные принципы общежития, то неизбежна и допустима борьба с юридическими законами, поскольку человек должен защищать себя и свои права [12. С. 14–16]. Подобной позиции был присущ определенный оттенок радикализма, проявившегося, с одной стороны, в принципиальном допущении сопротивления юридическим законам при указанных условиях независимо от конкретного содержания и порядка их установления, а с другой стороны, в признании за людьми права не только на неподчинение этим законам, но и на борьбу с ними.

Критерием доброкачественности юридических законов, снимающей вопрос о правомерности сопротивления им, И.А. Малиновский считал соответствие основным идеалам права: 1) согласованность закона юридического с велениями закона нравственного, порождающая уважение и к одному, и к другому; 2) юридическое равенство; 3) гражданская свобода. Первый идеал был продиктован стремлением предотвратить нарушение как предписаний закона юридического, так и велений закона нравственного. Второй идеал исходил из признания необходимости наполнения содержания закона правами и обязанностями людей и уравнивания всех перед законом. Предложение же в качестве идеала права гражданской свободы было обусловлено осознанием недостаточности юридического равенства, поскольку последнее может существовать и среди рабов: «Где все бесправны, там все равны». Однако рабство противоречит идее свободной человеческой личности, созданной по образу и подобию Божьему. Свобода личности – свобода физических действий и свобода в выражении своих чувств и мыслей – призвана способствовать воспитанию в гражданах тех чувств, которые служат источником общественно-

го прогресса, а именно широкого личного почина, предприимчивости, самодеятельности. Напротив, стеснение свободы влечет за собой приниженность, придавленность, робость и препятствует развитию общественных сил [13. С. 27, 81]. Поэтому личная свобода рассматривалась И.А. Малиновским в качестве необходимой предпосылки прав гражданской свободы, являющихся венцом долговременных усилий истории права культурных народов: неприкосновенности личности, собственности, жилища, частной корреспонденции, свободы передвижений, труда и занятий, свободы общения, совести, мысли и слова. «Полный простор для проявления всех свойств и особенностей свободного человеческого духа в области юридических отношений ведет к признанию за людьми личных прав, или прав гражданской свободы», — писал И.А. Малиновский. И с горечью отмечал контраст этого идеала права с российской действительностью: «Где признается свобода личности, там считается дозволенным все, что прямо не запрещено законом. В русском обществе встречаем совершенно противоположный взгляд: все запрещено, что прямо не разрешено... Свободы личности нет в русском обществе. Русские люди на каждом шагу встречают разнообразные стеснения, ограничения, запрещения; они привыкли к этому порядку и боятся всего» [13. С. 81].

Здравая оценка реальной ситуации в стране приводила к осознанию глубины пропасти, отделявшей российское общество от норм и ценностей общества гражданского. Либералы чутко фиксировали симптомы отставания России от Западной Европы в этом отношении: отсутствие уважения к закону во всех слоях общества, самоуправство и произвол со стороны власти, порождавшие замену чувства законности верой во всемогущество барина-начальника, постоянные нарушения предписаний закона и т.п. Драматизм ситуации, по их мнению, усугублялся тем, что она была укоренена в самих устоях общественной жизни. Реформы 60–70-х гг. XIX в., будучи противоречивыми и непоследовательными, не смогли изменить эти устои. Сохранение зависимости крестьян от общины, от податного и паспортного закрепощения, контрреформистские по сути изменения в Земском и Городовом Положениях 1890-х гг., частичные изменения судебных уставов, введение института земских начальников, сохранение цензурного гнета, телесных наказаний и пр. — всё это в совокупности способствовало, по словам И.А. Малиновского, поддержанию тех понятий, взглядов, привычек и нравов, которые образовались во времена крепостного права [13. С. 11]. И.А. Базанов, ссылаясь на

заключения губернских совещаний 1897 г., констатировал, что простой народ России все еще пребывает в фазе разложения родового строя и развития личности, формирования самых священных ее потребностей — собственной инициативы, собственных понятий, своего самостоятельного жизненного пути. Рассматривая этот процесс как общемировой, как закономерность эволюции человеческих обществ, проявившуюся в истории всех культурных народов, он считал его необратимым, но весьма далеким от завершения [9. С. 27]. Очевидное несоответствие российской действительности либеральному идеалу социального устройства остро ставило проблему создания необходимых предпосылок и условий для формирования гражданского общества, выводя её за рамки простого совершенствования и упорядочения законодательства. В самом общем виде контуры решения этой проблемы обозначил И.А. Малиновский. Считая Россию «страною мертвых душ», где людям различных сословий и званий чужды высшие запросы человеческого духа, элементарное уважение к человеческому достоинству, стремление стать деятельными членами общества, он связывал ее «воскресение» с двумя моментами: политико-социальным («Воскресение наступит тогда, когда будут проведены реформы политического и социального строя») и этическим («Воскресение наступит тогда, когда высокое и прекрасное человеческой природы восторжествует над низким и пошлым») [10. С. 19–20]. Взаимосвязь внешнего и внутреннего раскрепощения человеческой личности, прослеживающаяся в такой постановке проблемы, свидетельствует о продолжении радикальной традиции в либеральном мировоззрении, заложенной А.Н. Радищевым. Рассуждения И.А. Малиновского были созвучны представлениям последнего, согласно которым для достижения добродетели в частной жизни (единожитии) человек должен совершенствовать свои физические силы, развивать ум размышлениями и воспитывать нравственное чувство, а в жизни общественной (общезитии) для устранения социального зла необходима коренная реформа политического и социального строя [12. С. 14, 32].

Более детально либеральное видение основных технологических подходов к формированию гражданского общества изложил в ряде своих работ и, прежде всего, в фундаментальном труде «Очерки философии права» И.В. Михайловский. Обращая внимание на то, что несовершенство человеческой природы, недостатки социального и политического строя обуславливают поведение людей, противоречащее нормам положительного права и нарушаю-

щее субъективные права, профессор выдвигал задачу создания социальных, политических и юридических гарантий правопорядка.

К числу основных политических гарантий И.В. Михайловский относил следующие: «Надежная система взаимных сдержек и контроля, препятствующая различным органам власти нарушать права граждан; широкое развитие местного самоуправления, надлежащая организация законодательного учреждения; создание стоящей на высоте своей задачи бюрократии» [7. С. 598, 600]. Организованная на этих началах государственная власть была призвана свести к минимуму опасность вырождения власти в «голый деспотизм» и обеспечить добросовестное исполнение всеми агентами власти своих обязанностей и уважение с их стороны к правам граждан. Ввиду того, что ключевая роль в ограничении всемогущества государства, создании для личности гарантий от её поглощения государством и предоставлении ей возможности развиваться и совершенствоваться отводилась либералами праву, венцом всей системы политических гарантий правопорядка Михайловский считал создание «органа власти, которому вверяется по преимуществу охрана права – суда» [7. С. 600]. Идеал суда, к которому должны быть направлены усилия законодателя и государственного деятеля, рисовался И.В. Михайловскому следующим образом: «Олицетворение справедливости, консерватизма, спокойствия, беспристрастия, высшего авторитета, государственной мощи, всей полноты научных и профессиональных знаний, житейского опыта и нравственной чистоты, он должен быть основой всей государственной жизни» [7. С. 604]. В этих характеристиках идеального суда содержалось стремление обеспечить его компетентность, способность противостоять всевозможным эмоциональным порывам, противоречащим положительному праву, самостоятельность и независимость. Идея независимости суда приобретала чрезвычайную актуальность в условиях накала политических страстей начала XX в. Поэтому И.В. Михайловский особо подчеркивал: «Он (суд) должен быть одинаково далек и от тенденций превратиться в послушное орудие временных течений внутренней политики, и от тенденций отражать в себе все проявления «общественного мнения» [7. С. 604].

Придавая суду в системе политических гарантий правопорядка столь исключительное значение, И.В. Михайловский полагал необходимым выделять юридические гарантии в отдельную группу. Их смысл заключался в обеспечении каждому, чье субъективное право нарушено кем бы то

ни было, возможности обратиться к суду и получить соответствующее удовлетворение. «Только при последовательном проведении в жизнь этого положения, – писал И.В. Михайловский, – будут вполне обеспечены субъективные права, а правопорядок получит наиболее солидные гарантии» [7. С. 600–601]. Особое внимание И.В. Михайловский обращал на необходимость реорганизации административной юстиции, призванной регулировать взаимоотношения между гражданами и государством. Нормой ему представлялась защита прав государства только судебным порядком в случае нарушения их частным лицом. Лишь судебное разрешение спора о праве между личностью и государством соответствовало идее правового государства и принципу уважения к правам личности. Противоположный же порядок, т.е. применение принудительных мер против нарушителей прав государства без участия суда, ассоциировался с самоуправным осуществлением своих прав частными лицами, т.е. порядком, господствовавшим на низших ступенях культуры. Самым важным препятствием на пути реформирования административной юстиции И.В. Михайловский считал «переживание той эпохи, когда существовало только одно понятие подданного и не было еще понятия гражданина, когда личность не имела никаких прав, уважать которые должно было государство». Отголоски такого «переживания» улавливались в воззрениях ученых разных направлений, утверждавших, что государство есть знаменитый Гобсовский Левиафан, что все субъективные права суть лишь рефлексы объективного права, что существуют только одни обязанности, а не права и т.п. [7. С. 603].

Смещение акцента в постановке проблемы создания юридических гарантий правопорядка в субъективную сферу восприятия социальных явлений и процессов позволяло взглянуть на нее по-новому, приподняв завесу чрезмерной политизированности. Стремление большинства теоретиков и политических лидеров общественного движения в начале XX в. рассматривать все социальные вопросы исключительно в политическом контексте, их уверенность в том, что изменение политической ситуации может стать панацеей в поисках выхода России из кризиса, нередко приводили к игнорированию социокультурной специфики страны и доминировавших в обществе психологических установок. В противовес такому подходу И.В. Михайловский придавал исключительное значение формированию социальной среды, адекватной либеральной модели общественного устройства. Само понятие «социальные гарантии»

траговалось им достаточно широко, включая в себя различные формы распределения экономических благ, механизм взаимоотношений социальных групп, степень распространения просвещения, господствующие религиозные и нравственные воззрения, общий характер народа и т.п. Значение этих социальных условий определялось их влиянием на формирование «господствующих в населении нравов», т.е. общественного мнения. В этой связи проблема создания социальных гарантий заключалась в обеспечении экономического, социокультурного, психологического фона, способного стать основой высокого уровня общественного самосознания, которое, в свою очередь, призвано было стать оплотом против всевозможных правонарушений, откуда бы таковые ни исходили [7. С. 597–598].

Важную роль в создании социальных гарантий правопорядка И.В. Михайловский отводил культурным факторам, придавая особое значение науке и образованию, развитию и распространению знаний. По его убеждению, огромная часть социальных и политических бедствий, выпавших на долю России в XX в., объяснялась именно необразованностью в самом широком смысле, под которой профессор подразумевал абсолютное невежество и темноту масс, устрашающе низкий уровень образования учащихся средней и высшей школы и, наконец, безнадежную путаницу в умах большей части интеллигенции. Это убеждение разделяло большинство либералов. Наука воспринималась при этом как своего рода маяк в области социальных исканий, как главный критерий дифференциации идеала и утопии, как противовес крайнему радикализму, отрицавшему выработанные историей формы и допускавшему возможность мирового переустройства при помощи найденной формулы, вопреки всем объективным факторам культуры [14. С. 8]. И все же умственное развитие не представлялось панацеей в деле культурного прогресса. Рационалистическую тенденцию, проявлявшуюся в придании науке и образованию решающего значения в развитии культуры, И.В. Михайловский оценивал как неизбежно обреченную односторонность. Будучи сторонником идеи равноценности разных факторов общественной жизни, он последовательно проводил её и в постановке проблемы культурного прогресса. Поиски истины на этом пути были сопряжены для него с высшим синтезом различных факторов культуры – науки, умственного развития, эстетического, нравственного, религиозного и др. Обращенный к согражданам призыв И.В. Михайловского развивать общую культуру, создавать куль-

турную среду был направлен против двух крайних вариантов «специфически-русского», по его выражению, представления о предназначении человеческой личности. Первый вариант нашел свое воплощение в этической проповеди Л.Н. Толстого, проникнутой пафосом личного нравственного усовершенствования и признанием его единственным средством достижения социального идеала всеобщего братства. Другая крайность специфически-русского образа мыслей проявлялась в максимализме, чрезмерной увлеченности глобальными проблемами возрождения человечества и третирующей задач развития культуры как совершенно недостойных внимания при осуществлении мирового переустройства. Для И.В. Михайловского, считавшего, что полную возможность жить высшей духовной жизнью человек может обрести только на почве высокоразвитой культуры, такие вариации на тему предназначения человека являлись неприемлемыми [6. С. 4, 5]. Соответственно, основное предназначение русской интеллигенции И.В. Михайловский видел в создании атмосферы высокой культуры, способствующей осознанию собственного достоинства, уважению к личности, к установившимся культурным формам общежития, к учреждениям и традициям и порождающей социальную стабильность [6. С. 2–4].

Формирование уважительного отношения к прошлому, к историческим традициям рассматривалось либералами как важный компонент национального правового воспитания. Признавая, что партийная «обработка» населения, как и насаждение полицейского национализма, дает прискорбные всходы, если сталкивается с «людской пылью», безликой массой, Н.Я. Новомбергский считал, что разумного и твердого противодействия им можно ожидать лишь со стороны граждан, осознавших великое прошлое Отечества и великие задачи, еще предстоящие ему во всемирной истории. Большие надежды в формировании национального сознания он возлагал на юридические факультеты российских университетов, где проходили подготовку представители административной и судебной службы, многих свободных профессий [15. С. 9]. Исключительную роль в воспитании у россиян чувства законности и, соответственно, в обеспечении достойной будущности России отводил юристам и И.В. Михайловский [6. С. 9]. Представление своих коллег о формировании и развитии общественного правосознания как необходимой предпосылке создания правового государственного порядка полностью разделял профессор по кафедре финансового права кадет М.И. Боголепов, утверждавший: «...правовое государство

прежде всего опирается на определенное правосознание общества и в этом правосознании находит свое основание и устойчивость» [16. С. 26].

Определенный оптимизм в отношении перспектив приобщения россиян к цивилизованному гражданскому обществу посредством культивирования чувства законности придавали либералам наметившиеся на рубеже XIX–XX вв. тенденции трансформации народного правосознания. Фиксируя противоречивость русской общественной жизни, И.А. Малиновский отмечал присутствие в ней двух течений: «Молодая раскрепощенная Россия уже начала свое бытие и сделала первые не твердые шаги; но еще доживает последние дни старая крепостная Россия, она употребляет отчаянные усилия, чтобы продлить свое существование ... и ревниво оберегает приобретенные права» [13. С. 12]. Эта противоречивость не могла остаться без влияния на народное правосознание, которое также обрело некое переходное состояние. Анализ наметившихся сдвигов давал богатую пищу для размышлений. Сущность новых тенденций, обозначившихся в 90-е гг. XIX в. как реакция на «начавшееся разложение в самих недрах народной жизни», Н.Я. Новомбергский определял таким образом: «Правосознание народное, всегда чуткое к температуре окружающей среды, постепенно начинает отражать в себе криворост крестьянской мысли, расшатанной жизнью в казарме, городе, на фабрике и различных отхожих промыслах. Крестьянство, затронутое толками об общих гражданских правах, теряет мало-помалу патриархальную веру в совесть мира и ищет спасения в определениях писаного права, идет к мировому, апеллирует к земскому начальнику» [17. С. XIII]. Движение «от совестного безобразного волостного суда к камере представителя твердой правительственной власти», служившее показателем вытеснения обычая законом, воспринималось как необратимое. Залогом поступательного развития этого процесса Н.Я. Новомбергский считал даже не столько начавшееся расщепление устоев народной самобытности, которое должно было сломить власть мира над личностью и поставить последнюю в условия общих гарантий правосудия и гражданского равенства перед единым для всех законом, сколько общие закономерности формирования гражданского общества. Излагая их суть, заключающуюся в процессе «обобществления закона», профессор писал: «Когда гражданская жизнь достигает известной степени выработанности, когда падают национальные, религиозные и сословные перегородки между гражданами одного государства, когда просвещение и культура стано-

вятся всеобщим достоянием, то закон обобществляется, народное правосознание покидает свои изолированные пути развития и неизбежно сливается с общим течением национально-государственного правообразовательного творчества» [17. С. XIII–XIV].

Убежденность в необходимости социального воспитания, предполагавшего разнообразное и разностороннее воздействие на природу человека в целях укрепления идей правозаконности, человеческой солидарности, высокой ценности человеческой личности, святости и неприкосновенности человеческой жизни, которые должны были стать нормой общежития, объединяла либералов различных направлений – и радикального, и консервативного. Столь же единодушны были они и в приверженности исключительно эволюционным методам разрешения общественных проблем, в категорическом неприятии насилия и конфронтационности. В «эпидемии кровопролития», охватившей Россию. И.В. Михайловский видел угрозу полной атрофии чувства законности в населении, отказа от высших духовных начал, вечных идей истины, добра, красоты, превращения этих идей в «средства для достижения преходящих мимолетных целей того или иного момента политической борьбы» [14. С. 4, 17]. Обращал внимание на негативное этическое и моральное воздействие практики насильственных методов и И.А. Малиновский, предрекавший в случае ее продолжения гибель нравственного чувства, высоких альтруистических порывов в человеке [18. С. 126; 19. С. 97].

В стремлении предотвратить столь трагичный для Отечества исход, покончить с конфронтацией различных политических сил находила проявление присущая либерализму толерантность. Пафосом примиряющего сознания и вместе с тем элементарным здравым смыслом были исполнены слова И.А. Малиновского: «Не может все население мыслить одинаково. Различные направления и различные оттенки мысли по вопросам политическим и социальным неизбежны ... В культурном государстве каждому гражданину должна быть предоставлена свобода мысли и слова». Считая невозможным воспрепятствовать зарождению, развитию и распространению тех или иных идей, И.А. Малиновский предлагал обеспечить им право гражданства, а их носителям – свободу придерживаться своих убеждений, пропагандировать в обществе путем устного и печатного слова, Лишь для призывов к насильственным действиям как преступных и недопустимых делалось исключение в этом отношении [18. С. 135]. Основным средством прекращения кровопролитий во всех их про-

явлениях (аграрные волнения, революционный террор, черносотенные погромы, смертные казни и т.п.) либералы считали реформы социального и политического строя, водворение начал гражданской и политической свободы, обеспечение прочного правопорядка, что должно было открыть возможности мирной культурной работы и создать условия для всестороннего гармоничного развития личности [18. С. 133, 134, 136, 137; 20. Стб. 304–305]. В целом, обращение к интеллектуальному наследию профессоров Томского университета свидетельствует как о глубоком рационалистическом обосновании теоретической модели гражданского общества, так и о системности предлагавшихся ими технологических подходов к формированию гражданского общества в России. То обстоятельство, что в условиях резкой социальной и политической поляризации общества в начале XX в. либеральные технологии не были и не могли быть реализованы ввиду отсутствия адекватной среды восприятия как на уровне социума, так и на уровне политики, не умаляет очевидной интеллектуальной зрелости отечественного либерализма в постановке проблем формирования и развития гражданского общества, а потому и не исключает возможности использования этих технологий в иной исторической среде.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Сенин А.С.* Либералы у власти. История повторяется? // Кентавр. 1993. № 2. С. 109–121.
- 2 *Чешев В.В.* Неизменный либерализм // Либерализм в России: история и перспективы. Томск, 1997.
- 3 *Капустин Б.Г.* Три рассуждения о либерализме и либерализмах // Полис. 1994. № 3. С. 13–26.
- 4 *Кара-Мурза А.А.* Либерализма против хаоса. Основные интенции либеральной идеологии на Западе и в России // Полис. 1994. № 3. С. 118–124.
- 5 *Михайловский И.В.* Воззрения Б.Н.Чичерина на право и государство. Б.м., б.г. 15 с.
- 6 *Михайловский И.В.* Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910. 27 с.
- 7 *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. 625 с.
- 8 *Михайловский И.В.* Рецензия на учебник философии права Иосифа Колера (Берлин, 1909). Б.м., б.г. 20 с.
- 9 *Базанов И.А.* Основные черты гражданско-правового строя крестьян по Положениям 19-го февраля и позднейшим узаконениям. Томск, 1912. 34 с.
- 10 *Малиновский И.А.* Общественное значение литературной деятельности Гоголя. Речь, произнесенная в торжественном заседании Императорского Томского университета 20 марта 1909 г. Томск, 1909. 20 с.
- 11 *Новомбергский Н.Я.* Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права (Томск, 1914. Т.1) // Журнал Министерства юстиции. 1915. Март. 12 с. (оттиск).
- 12 *Малиновский И.А.* Начальная страница из истории русской интеллигенции. (Ответ авторам «Вех»). Томск, 1909. 35 с.
- 13 *Малиновский И.А.* Вопросы права в сочинениях А.П. Чехова. Доклад, читанный в заседаниях Томского юридического общества 9 и 30 октября 1904 г. Томск, 1905. 93 с.
- 14 *Михайловский [И.В.].* Университет и наука. Вступительная лекция в курсе философии права, читанная 18 сентября 1907 г. студентам I курса юридического факультета. Томск, 1908. 18 с.
- 15 *Новомбергский [Н.Я.].* Кафедра истории русского права в российских университетах. Пг., 1915. 9 с.
- 16 *Боголепов М.И.* Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., 1907. 1907. 334 с.
- 17 *Новомбергский Н.Я.* Волостной суд, преобразованный по закону 2-го июня 1898 года. Практическое руководство. Томск, 1900. 111 с.
- 18 *Малиновский И.А.* Кровная месть и смертные казни. Томск, 1909. Вып. 2, ч. 3. 149 с.
- 19 *Малиновский.* Русские писатели-художники о смертной казни. Томск, 1910. 100 с.
- 20 *Малиновский И.А.* Кровавая месть и смертные казни. Доклад, читанный в заседании Петербургского юридического общества 27 декабря 1908 г. // Право. СПб., 1909. № 5. Стб. 296–305.